

ДИПОМАТИКА

П.И. КОВАЛЕВСКИЙ

ГЕНЕРАЛИССИМУС СУВОРОВ

П. И. Ковалевский

Генералиссимус Суворов

**Москва
Берлин
2016**

УДК 616.89(47)(09)

ББК 63.3(2)5

К56

Ковалевский, П. И.

К56 Генералиссимус Суворов / П. И. Ковалевский. — М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2016. — 67 с.

ISBN 978-5-4475-7807-7

Павел Иванович Ковалевский (1849–1923) — выдающийся русский психиатр, профессор, ректор Варшавского университета, основатель первого в России психиатрического журнала. Ученый одним из первых стал применять исторический анализ для составления психологического портрета выдающихся личностей. Заслуженную славу ему принесли «Психиатрические эскизы из истории». Этот труд составила серия интереснейших исследовательских очерков, каждый из которых анализирует наследственность, анатомо-физиологические и психические характеристики крупнейших исторических деятелей.

Очерк посвящен Александру Васильевичу Суворову, великому русскому полководцу, военному теоретику, национальному герою России.

УДК 616.89(47)(09)

ББК 63.3(2)5

Часть первая

Александр Васильевич Суворов родился 13 ноября 1730 г. О родителях его мало что можно сказать. Отец был средний человек, слегка скуповатый, мать умерла, когда Александру Васильевичу было 15 лет.

Первое детство Суворов провел дома, где получил и воспитание. Он изучал необходимые предметы, а также иностранные языки: французский, немецкий и отчасти итальянский. Смотрел он, однако, на изучение этих языков не как на цель, а как на средство, при помощи которого он мог извлекать интересующие его познания из полезных книг. Поэтому он не стремился овладеть языками в совершенстве, даже русскою грамотою он владел не вполне безошибочно. Но трудно сказать, было ли это проявлением действительного незнания или же это было выражением того пренебрежительного отношения ко всем внешним формам жизни, какое он слишком ярко обнаруживал в течение всей жизни, и тем сильнее, чем чувствовал себя самостоятельное и независимое. Такое предположение находит себе подтверждение и в том, что Суворов делал с годами в русской грамоте больше ошибок, хотя при этом много занимался, читал и писал.

Суворов-мальчик в семье жил одиноко и воспитывался один. Ему до некоторой степени принадлежало и инициатива действий: хотел учиться – учился, нет – нет. Хотел учиться в одном направлении – шел по этому направлению, выбирал другое – шел по тому. Дети, предоставленные самим себе, – а Суворов, по-видимому, был именно в таком положении, – или становятся отчаянными лентяями, бездельниками и

шалопаями, или же учатся очень усердно и прилежно, но именно в том направлении, каковое они признают излюбленным. Выход из этой дилеммы обуславливается двумя обстоятельствами: природными качествами детей и домашней обстановкой. В отце Суворов видел образец труда, работы, любовь и уважение к печатному слову и постоянную деловитость. От природы, видимо, Суворов имел также прекрасные задатки. Поэтому духовная жизнь Суворова направилась к книжному познанию, побудила мальчика к занятиям, чтению и познанию. Пример труженика отца укрепил и усилил эту потребность. Благо, библиотека у отца была очень порядочная.

Книги в библиотеке Суворова были преимущественно военного содержания, поэтому Суворов с детства стал жить военной жизнью. Военная жизнь вообще представляет собою идеал и главный предмет воображения детей. Геройские подвиги, победы, лишения и походы – вот фантазия детей. Если к этому прибавить постоянное чтение военных книг, а затем одиночество мальчика, то нисколько не станет удивительным, что мальчик всем существом своим отдался данному направлению. У детей сильно работает познавательная сторона жизни, но у многих из них еще сильнее работает фантазия. Мечты, воображение и фантазия развивают и плодят те образы, те картины, ту жизнь, каковые в данный момент у ребенка наиболее развиты в его познании и составляют наибольшее тяготение. Суворов, сын генерала, живет в военной среде, читает книги о военных подвигах, естественно, его познания полны событий военной жизни; поэтому его мечты, воображение и фантазия полны военных кар-

тин. Предоставленный себе самому, живущий своею собственною головою, Суворов весь отдался военной жизни и только и видел в своей фантазии, во сне и наяву, что быть воином, быть великим воином, полководцем, прославиться.

Беда в том, что он к этому не годился. Суворов был мальчик маленький, хилый, слабый и тщедушный. Ему ли переносить лишения и труды военной жизни. Ему ли мечтать о том, что для его организма непосильно... Так думал отец его и порешил направить сына в гражданскую службу. Можно себе представить весь ужас духовного разлада маленького Суворова!.. Все его существо наполнено известными стремлениями и побуждениями, а ему ставят преграду... Да и почему ему не быть военным!.. Разве потому, что он мал ростом и слаб силами?... Но ведь силы, крепость, выносливость и сопротивляемость можно развить, укрепить и закалить...

И вот тихий, кроткий, замкнутый и погруженный в книги мальчик вдруг срывается, взлетает на лошадь и мчится в поле. Дождь, ветер, холод, непогода, вьюга. Что ему за дело, — все это ниже его, все это ему нипочем... Мало ли что впереди! А прискакав домой усталый и голодный, утолив голод, он опять принимается за книги... Не странно ли: благовоспитанный мальчик, вместо игры, забав со сверстниками, занимается, как уличный мальчишка, скаковой забавой в дождь, грязь и непогоду. Не хорошо... Волчок и дичок... Таков и был маленький Суворов... Такова была его натура. Она не походила на натуру других детей. Он не тяготел к детям, потому что они не представляли для него интере-

са... Но и другие чуждались его, потому что он был такой... странный...

Итак, странности стали проявляться у Суворова с детства. Это, однако, не были странности, а только лишь поступки мальчика, который не был похож на других детей, а потому и поступал не так, как другие. К таким чрезвычайным поступкам побуждали его два двигателя: образы фантазии и желание закалить себя. И тот и другой импульсы были очень сильные и потому естественно, что мальчик им подчинялся.

Суворов-мальчик имел пылкий ум, необыкновенно живую фантазию, страстную, дикую, неудержимую натуру и железную волю, а все это выражалось в том, что он действовал так, как он хотел, и именно так, как хотел *он*. В этом и заключались его детские странности.

Стремления отца повести его по пути гражданской деятельности очень огорчали мальчика и заставляли его еще больше уходить в себя и замыкаться.

Только счастливая случайность заставила отца Суворова переменить свое решение и отдать сына в военную службу. Одиннадцатилетний Суворов был записан в Семеновский полк рядовым. Еще три года после того он прожил дома. Теперь он мог предаваться своим мечтам спокойнее, а равно спокойнее заниматься чтением книг. Он читал Плутарха, Корнелия Непота, познакомился с деяниями Александра Македонского, Юлия Цезаря, Ганнибала и других знаменитых полководцев и героев. Эти чтения, падавшие на высокодаровитую почву, являлись семенем тех гениальных плодов, которые выросли под Измаилом, Прагой, Нови и проч. и выразились во всей силе и величии гения, прославивших русские войска и их полководца.

На 15-м году Суворов поступил в полк. Свою службу Суворов понимал так, как ее понимает всякий честный человек. Любя свое дело, преданный ему всей душой, он отдался службе с увлечением и исполнял свой долг, как исполняет его истинный гражданин. Он нес наравне со всеми солдатами все тяготы и невзгоды жизни и никогда не жаловался на них. В своей службе он видел средство к достижению и осуществлению своих заветных идеалов и образов мечты. В свободные от службы минуты он продолжал завершать свое образование, много читая, даже посещая кадетский корпус. Вместе с просвещением ума Суворов не забывал и тела и стремился всеми способами его укреплять и закалять. Насколько мальчик Суворов был слугою долга, доказывает следующий случай. Суворов стоял на часах в Петергофе у Монплезира. Мимо проходила государыня Елизавета Петровна. Узнав, кто часовой, она хотела дать ему серебряный рубль. Но Суворов отказался взять, заявив, что караульный устав запрещает часовому брать деньги.

«Молодец! Знаешь службу. Я положу рубль здесь на земле, как сменишься, так возьми».

Этот крестовик Суворов хранил всю свою жизнь.

Восемь лет Суворов тянул солдатскую лямку. Многие из его товарищей успели за это время выслужиться в генералы, а он только произведен был в офицеры. Возможно, что эта лямка служила к нравственному закалу Суворова, приучая его к терпению, дисциплине и самоотвержению. Несомненно также и то, что эта лямка отразилась и на его характере. В дальнейшем мы увидим, как он детски радовался, когда он обгонял в производстве равных и старших... Все люди, состав-

лявшие свое положение собственным лбом, страшно самолюбивы, хотя это самолюбие глубоко скрывается; вместе с тем эти люди горды, самонадеянны и самоуверенны.

Первые годы офицерской жизни Суворова падают на мирное время. Суворов занимается, читает, посещает общество любителей словесности, даже сам пытается писать сочинения, которые, однако, по своим качествам не превосходили наполеоновских и могли конкурировать с произведениями Тредьяковского.

Первый раз на военное поле Суворов попал в Семилетнюю войну. Здесь ему сначала не повезло. Он состоял в арьергарде. Первое боевое крещение Суворов получил в набеге на Берлин в отряде Чернышева. В этом пустом деле он, однако, «себя перед прочими гораздо отличил» и сразу составил о себе представление, как о прекрасном боевом офицере. Когда образовывался летучий отряд Берга, то последний просил откомандировать к нему подполковника Суворова, и Суворов себя оправдал. В представлении государыне о нем был такой отзыв: «...быстр при рекогносцировке, отважен в бою и хладнокровен в опасности». Можно было бы добавить: человеколюбив и нежен с мирными. И вот почему: при набеге на Берлин в руки солдат попался маленький немчик. Суворов взял его к себе, а затем написал его матери: «Любезнейшая мамаша! Ваш маленький сынок у меня в безопасности. Если вы хотите его оставить у меня, то он ни в чем не будет терпеть недостатка и я буду заботиться о нем, как о собственном сыне. Если же желаете взять его к себе, то можете получить его здесь или напишите мне, куда его прислать».

Разумеется, маменька заблагорассудила взять сына... С окончанием войны Суворов вернулся в Петербург с именем боевого офицера, которому можно было поручить обучение и командование небольшим отрядом. И действительно, в войне Суворов провел время не даром: он изучал боевые достоинства и недостатки русских солдат и сравнивал их с немецкими, а теперь ему приходилось свой опыт применить на деле, в пересоздании военного строя, по своему разумению, сначала в малых размерах, а затем и во всей армии.

Вот когда принесло пользу Суворову его восьмилетнее пребывание рядовым в армии. Он изучил русского солдата во всех его проявлениях. Суворов жил с ним. Суворов понял его. Суворов полюбил его. Этой любовью и близостью к солдату Суворов безгранично купил всех солдат. А для того, чтобы еще сильнее воздействовать на солдата, Суворов всегда и во всем служил ему примерами лично. Суворов относился к своим солдатам, как отец к своим любимым детям. Он заботился о поддержании в них религии, он старался укрепить в них нравственность, он заботился об их просвещении и обучении, он смотрел за тем, чтобы их достаточно кормили и одевали, неустанно он обучал их всем военным приемам по своей системе; а так как при ней требовалось значительное физическое напряжение и закаливание, то Суворов все время и упражнял их в этом. Во всем этом деле Суворов был и создатель системы, и учитель, и помощник и образец. Его инструкции войскам, а равно и приказы отличаются краткостью, ясностью и необыкновенной образностью. Они вполне приурочены к умственному уровню солдата и совершенно доступны его пониманию.

Можно сказать, что они написаны солдатским языком. А это и было нужно. Всем этим вместе Суворов достиг в очень короткий срок самых блестящих результатов. Его солдаты образцово знали строй и проделывали все приемы, были бодры и крепки, больных почти не было, не знали устали, не признавали ни холода, ни голода. Да, это на деле были чудо-богатыри.

Суворов подделывался к солдатам? Нет. Он сам был солдатом. Он жил с ними, их жизнью, их существом. Он голодал с ними, если нечего было есть. Он мерз, если солдаты мерзли. Он спал на траве, если у солдат не было палаток... Но так как своим умом, своими знаниями и опытом Суворов был неизмеримо выше своих боевых друзей, то он высказывал свои вдохновения, свои веления и требования, и они исполнялись беспрекословно, а так как они должны были быть поняты и уяснены простыми людьми, то и высказывались в той форме речи, которая была наиболее доступна для солдат. Во всяком деле должно отличать содержание и форму. В данном случае содержание было — плод гения, форма была взята из той среды, для которой она была предназначена; тем более что эта форма не противоречила характеру создателя, так как Суворов всегда проявлял необыкновенную энергию, кипучесть жизни, быстроту движений и неутомимость... Суворов был всем все.

Государыня произвела смотр полку Суворова и осталась очень довольна.

Наступила первая польская война. Суворов был с своим полком отправлен туда. Его поход как нельзя лучше оправдал его систему: 850 верст он с полком прошел в 30 дней, причем дорогой заболело всего

шесть человек. Прекрасно оправдала себя система Суворова и на месте военных действий. Польская война – партизанская война. Главный успех в деле – быстрота и натиск. А эти положения были главными в системе Суворова. Диво ли, что он сразу стал неотразим и неуязвим. Суворов был доволен успехом, но не гордился. «Римляне двигались шибче, – прочтите Цезаря», – говорил он.

Суворов не знал и его войска не ведали, что значит обороняться и что значит отступать. Это был, как называли его немцы, «генерал вперед». И как он был озлен, когда один из его офицеров был взят в плен. «По своему расслабленному безумию Веденияпин с 80 почти человеками не сумел разбить 300 бунтовщиков. Всем внятно внушено, что на них можно нападать с силами, 4–5 раз меньшими, но с разумом, искусством и под ответом. Будучи окружен, он стал беспорядочно отстреливаться, а на самый и храбрый порыв не пошел».

А сам Суворов нападал с слабыми силами на сильнейшего неприятеля? Нападал и побеждал.

Лучшим доказательством служит его бой под Ланцкраной, где он в полчаса разбил сильнейший отряд Дюмурье, и под Столовичами, где он уничтожил корпус Огинского, в десять раз сильнейший против отряда Суворова. «Простительно, – пишет Суворов Кречетникову, – если вы, по первому слуху, сему сомневаться будете, ибо я и сам сомневаюсь, только это правда».

Способность быстро схватить позицию неприятеля и воспользоваться его слабыми сторонами, быстрота и натиск дали Суворову полную победу во всех делах и обратили на него внимание в европейских армиях. Сам

неприятель понял новизну боя, только толковал его иначе: «Суворов понятия никакого не имеет о военном деле и ему драться только с медведями. Бывало, займешь позицию, ждешь русских с фронта, а он бросается либо с тыла, либо в фланге; мы разбегались более от страха и внезапности, нежели от поражения».

Не то же ли немцы говорили о Наполеоне II!..

Суворов строго следил на войне за дисциплиной, порядком и субординацией и резко восставал против допускаемого тогда в армии грабежа побежденных. Особенно строго приказывал Суворов быть ласковыми с поляками, не обижать пленных, кормить их хорошо, хотя бы то было и сверх порции.

Польская война была кончена, причем успех ее принадлежал почти всецело Суворову. За эту войну он получил орден Анны I ст., Георгия 3 ст., Александра Невского и чин генерал-майора. В Петербурге Суворова очень обласкали и достойно наградили за его доблестные дела.

Наступил мир. Но долгая мирная жизнь была не по нутру Суворова. Он был душой и характером солдат, воин и боевой генерал. Его глазомер по отношению к людям был слишком верен, а его быстрота и натиск в общении с придворными были слишком неудобны и для окружающих и для него. При его честности, прямоте и откровенности Суворов являлся *беспокойным* человеком, а беспокойный человек во все времена, даже до сего дня, был нетерпим. Поэтому весьма естественно, что Суворова отправили в Финляндию: изучать край, строить крепости, реорганизовать армию, выдвигать направление мыслей Стокгольма и проч. Да и Суворову придворная и чиновничья атмосфера Петер-

бурга была не по душе. Поэтому он предпочел уехать в чистую ссылку, нежели жить в атмосфере лукавства, зависти, лживости и предательства.

Суворов быстро исполнил все возложенные на него поручения в Финляндии и стал тосковать и терзаться бездельем. А тут открылась турецкая война. Суворов просится на поле битвы и вскоре достигает желанного.

Две экспедиции на Туртукай, причем экспедиции производились ночью, с переправой через Дунай, против неприятеля в 8–10 раз сильнеешего, с полным разгромом неприятеля и взятием в плен большого числа турок, пушек, знамен и судов показали, что Суворов был победителем в Польше не по случаю или по счастью, а благодаря своей тактике и своему гению. Георгий второй степени был ему вполне заслуженною наградою как за необыкновенную его распорядительность, так и за личную храбрость, служившую всегда примером для его солдат. Цену себе знал и сам Суворов, и это служило причиною многих его выходов, трудно оправдываемых в другом человеке. Суворов, несомненно, был царем своего дела. Он был создателем новой системы войны, он был и гениальным исполнителем ее. В результате – слава России, слава войскам, честь и слава Суворову. Равных себе Суворов не видал. Эта-то уверенность в своем превосходстве и делала то, что Суворов был крайне резок в выражениях и нетактичен в действиях с равными и старшими себе. Необыкновенно пылкий и стремительный, он часто высказывал в разговоре то, чего не следовало бы, что вредило настолько же ему, как и его гениальному делу. Так, напр., донося о своих действиях против турок своему прямому начальнику, Салтыкову, он одновременно

доносил о том же и главнокомандующему, Румянцеву; при этом и самый способ донесения был не всякому простительный. После первой победы при Туртукае он доносит Салтыкову запиской на клочке бумаги, писанной карандашом: «Ваше Сиятельство, мы победили: слава Богу, слава вам», — а Румянцеву было послано двустилишие:

«Слава Богу, слава вам,
Туртукай взят и я там...»

В других случаях Суворов бывал также часто непочтителен. Так, Суворов не любил Каменского, не уважал и Салтыкова. И вот он при своем штате выразился так: «Каменский знает военное дело, но оно его не знает; Суворов не знает военного дела, да оно его знает; а Салтыков ни с военным делом не знаком, ни сам ему не известен...» Слова Суворова были донесены кому следует и произвели свое воздействие. Суворов был переведен в отряд Потемкина.

На новом месте Суворов не замедлил отличиться под Козлуджей, где он с 8-тысячным отрядом напал на 40-тысячный отряд турок и совершенно разбил его. Этой победой турки были совершенно потрясены, а русские поднялись в глазах всей Европы; Суворов же упрочил за собою славу знаменитого боевого генерала, который во всех отношениях — и в трудах, и в лишениях, и в счастье, и в несчастье, и в славе, и в подвигах — был рядом с солдатом и в доле с ним.

В течение этой войны Суворов успел побывать в Москве и жениться. Брак этот был не вполне удачен. Да иначе и не могло быть. Жена его была милая светская

женщина, любившая общество и принадлежавшая его течению. Суворов, напротив, не принадлежал ни себе, ни жене, ни обществу. Он был воин, и только воин. Воин и семьянин – два элемента, не совпадающие друг с другом. Муж и жена не подходили друг другу; они не могли сойтись, и потому они скоро разошлись.

Первая турецкая война закончилась. Она принесла Суворову золотую, украшенную бриллиантами шпагу и Георгия II ст.

Суворов назначен был начальником дивизии в Петербурге. Но так как без военного дела он вновь стал *беспокойным* человеком, то его послали различные дела вершить вне Петербурга. Суворов умирят Пугачева, удерживает в повиновении непокорных крымских татар, умирят и закрепляет татар на Кубани, удерживает киргизов в Астрахани и вообще подвизается на мирном поле военными приемами и всюду действует с полным успехом. А для такого успеха ему нужно было прежде всего поставить подчиненные ему войска в должный вид, все же остальное приходило само собою.

К сожалению, еще с первой турецкой войны Суворов страдал жестокой лихорадкой, мучила его также разлука с любимой дочерью, девочкой Суворочкой... Эти страдания физические и нравственные сильно подкосили организм Суворова и немало огорчали и раздражали его.

Суворов томился, скучал, писал резкости начальству, капризничал и раздражался. Зато с офицерами и солдатами он был всегда добр, весел, приветлив и отечески заботлив. Естественно, и подчиненные безгранично любили своего вождя и молились за него.

За все эти подвиги Суворов был награжден бриллиантовою звездою и Владимиром I ст. Суворова это, однако, не успокоило, и вот он пишет: «Одно мое желание, чтобы кончить Высочайшую службу — с оружием в руках. Долговременное мое бытие в нижних чинах приобрело мне грубость в поступках при чистейшем сердце и удалило от познания светских наружностей; препроводя мою жизнь в поле, поздно мне к ним привыкать. Наука просветила меня в добродетели: я лгу, как Эпаминонд, бегаю, как Цезарь, постоянен, как Тюренн и праводушен, как Аристид. Не разумея изгибов лести и ласкательств, моим сверстникам часто неугоден. Не изменил я моего слова ни одному из неприятелей; был счастлив, потому что я повелевал счастьем».

Немножко самоуверенно, но Суворов имел на это право...

Императрица Екатерина захотела посетить Малороссию и присоединенный Крым. Имелось в виду, что ее будут сопровождать высочайшие гости, как австрийский император и проч. Нужно было показать товар лицом. Брался за это светлейший Потемкин, а потому можно было быть уверенным, что дело сойдет блестяще. В числе других декораций должно было быть и войско, и притом такое войско, которое в мирное время отбило бы охоту у соседа к войне. Нужно было это войско организовать. Кто же мог это дело устроить лучше Суворова?... Суворов был вызван, назначен на это дело и оправдал его вполне. Похвалы, комплименты и разные знаки удовольствия и удивления отовсюду сыпались как на Потемкина, так и на Суворова. Имя Суворова в то время уже было вполне известно, поэто-

му любезности и комплименты были вполне естественны. Суворов был замечен и сам по себе, но немало он выделялся и своими оригинальными приемами. Вот, напр., одно из столкновений его с гостем. Суворов встречает полковника Ламета. Откуда родом? – Француз. – Ваше звание? – Военный. – Чин? – Полковник. – Имя? – Александр. – Хорошо. – Это сначала озадачило француза, а потом обозлило, а потому когда Суворов хотел отойти, француз пристал к нему: Вы откуда родом? – Русский. – Ваше звание? – Военный. – Чин? – Генерал. – Имя? – Суворов. – Хорошо.

Оба расхохотались и разошлись приятелями.

Это смешно. Но иногда выходки Суворова могли оканчиваться и печальнее. Одаряя своими милостями всех, устраивавших путешествие, императрица Екатерина, в присутствии блестящей свиты, обратилась к Суворову с вопросами: чем она может выразить ему благодарность?

До болезненности самолюбивый и вместе с тем стесненный обстановкой, Суворов, кланяясь и благодаря, отвечал, что задолжал несколько рублей за квартиру и попросил бы заплатить... Только доброе мнение государыни о Суворове спасало его от неприятности, ибо государыня любила его, собственноручными записками благодарила его за хорошие распоряжения и верную службу и называла его «честным человеком» и «правдивым судьей». Суворов был назначен сенатором и премьер-майором Преображенского полка, полковником была сама императрица.

В 1787 г. началась вторая турецкая война. Суворов вновь призван был на боевое поле. Ему поручен был очень важный пункт – охрана Кинбурна. Его отряд

входил в армию Потемкина, который писал ему: «Мой друг сердечный, ты своею особою больше 10000 (человек), я так тебя почитаю и ей-ей говорю чистосердечно». Значение Кинбурна понимали и турки. Они высадились на Кинбурнскую косу в количестве 5300, у Суворова было всего 4267. Турки решили или всех перерезать русских, или самим умереть. Бой был смертельный. Турок вернулось назад 700, все остальные исполнили свой завет. Кинбурнская победа оказала очень сильное впечатление в Константинополе и в Петербурге. В Константинополе были смущены и расстроены, в Петербурге — в восторге. Государыня насколько была рада победе, настолько же опечалена раною Суворова. Пример безграничной храбрости не обошелся ему даром. Государыня писала Суворову: «Я поставляю себе достоинством отдавать вам справедливость». Вместе с этим Екатерина прислала Суворову Андрея Первозванного и второй собственноручный рескрипт. Турки тоже наградили Суворова второй жесточайшей высадкой и вторично совершенно были Суворовым разбиты.

Суворова переводят под Очаков. Потемкин оказался нерешительным и бездействовал. Суворова это злило. Турки ободрились и делали очень смелые вылазки. В одну из этих вылазок Суворов зарвался, наскочил на очень большой отряд турок и хотя вылазку блестяще отбил, однако потерял много людей. Сам Суворов был ранен.

Слишком энергичное действие Суворова очень озлило Потемкина и последний прислал спросить Суворова: как он смел без его позволения завязать такое важное дело? Такой вопрос ему, Суворову, Потемки-

ным, которого Суворов в военном деле, по всей справедливости, считал неизмеримо ниже себя, в свою очередь, взорвал Суворова. Если прибавить к этому сознание Суворова о некоторой неудаче и потере, а также физическую боль от раны, предшествовавшую нервность от лихорадок и раны на Кинбурне, то станет вполне понятною и невоздержанность, резкость и дерзость Суворова даже по отношению к такому всесильному человеку, как Потемкин. На беду, присланный Потемкиным генерал прибыл в то время, когда Суворову извлекали из раны пулю и перевязывали рану. На грозный вопрос всесильного фаворита Суворов отвечал:

«Я на камушке сижу,
На Очаков я гляжу».

О, долго, долго пришлось Суворову уламывать фаворита, пока получил прощение.

Суворова вновь послали на Кинбурн, но и отсюда он сумел быть полезным и в решительную минуту помочь Потемкину взять Очаков, за что и получил брильянтовое перо на шляпу.

Вскоре турецкая война приняла новый оборот. В войну вмешалась Австрия. В этой войне Суворов вполне заслуженно получил европейскую известность на глазах благородных свидетелей. Суворов был отправлен на пункт, где он стоял рядом с австрийской армией. Это был самый важный пункт, и нужно было ожидать особенно сильного нападения на него со стороны турок. Начальником австрийских войск был принц Кобургский.

Вскоре австрияки заметили движение сильной турецкой армии на Фокшаны. Принц Кобургский послал к Суворову просить помощи. Погода была скверная, и Кобург приходил в отчаяние. Но он был поражен необыкновенно быстрым прибытием армии Суворова. Нужно было составить план защиты и уговориться относительно поддержки. Кобург был старше и потому послал приветствовать Суворова и просить о личном свидании. Суворов дал уклончивый ответ. Вторым послан. Генерал молится Богу и посла не приняли. Третьим послан. Генерал спит. Хоть кому станет жутко... А день прошел. Вдруг в одиннадцать часов ночи Кобург получает краткую записку от Суворова: «Войска выступают в два часа ночи тремя колоннами. Среднюю колонну составляют русские. Неприятеля атаковать всеми силами, не занимаясь мелкими поисками влево и вправо. Говорят, перед нами турок тысяч пятьдесят, а другие пятьдесят — дальше. Жаль, что они не все вместе, лучше бы было покончить с ними разом».

Боевая известность Суворова и благоразумие Кобурга были причиною тому, что план его приведен был в точное исполнение. В результате получилась блестящая победа. Широкий ум одного понял силу генерала другого, и искренняя дружба на всю жизнь соединила этих двух людей. Чисто братские отношения вождей отразились и на армиях: русские и австрийцы отнеслись друг к другу по-братски. Как австрийская армия, так и австрийский император бесспорно признали, что победа при Фокшанах одержана была главным образом Суворовым.

Императрица Екатерина была очень обрадована этим подвигом Суворова и наградила его брильянто-

вым крестом и звездой к Андрею Первозванному, а австрийский император – брильянтовой табакеркой с брильянтовым шифром. Даже турки не забыли своего победителя и называли Токаль-паша и его именем пугали детей.

Через два месяца турки вновь начали наступать на австрийцев. Явился Суворов. На этот раз турецкие силы в четыре раза многочисленнее армии союзников. День, в который произошло это сражение, совпал с днем разгрома Суворовым Огинского. И вот Суворов во второй раз, теперь при Рымнике, в тот же день прославил имя русской армии и свое полное блестящее победой. Теперь и Потемкин забыл против Суворова все свои обиды и искренно радовался и поздравлял его. За эту славную победу Суворов получил звание графа Рымникского, Георгия I ст., брильянтовый эполет и весьма богатую шпагу, к этому добавлен еще был дорогой перстень. Австрийский император также жаловал Суворову графский титул Священной римской империи.

С великим удовольствием он писал своей Суворочке как о великих победах, так и о всех милостях, по этому поводу на него излитых.

Для полного успеха в войне нужно было взять крепость Измаил, которая всеми считалась неприступной. Но было ли что Суворову недоступно в войне!.. Суворов назначается к Измаилу с поручением взять его.

Весть о назначении Суворова под Измаил быстро пронеслась по войскам, а вместе с этим и убеждение, что Измаил будет взят немедленно. И вот 2 декабря рано утром к русским аванпостам под Измаилом подъехали два всадника. То был Суворов с казаком, везшим в

небольшом узелке багаж генерала. Тем не менее моментально раздался пушечный салют с батареей и все от мала до велика оживились и просияли. В лице маленького худенького старичка явились честь, слава, храбрость и победа. Вскоре Суворов отправился по полкам. Находил знакомых солдат, вспоминал прежние подвиги, беседовал, острил, смеялся и всех обласкал добрым словом. Это был добрый гений. Это был вдохновитель беззаветной храбрости, самоотвержения, силы, энергии, бесстрашия и безумной самоуверенности в победе. Полководец не скрывал от солдат трудность дела. Напротив, он знакомил их с препятствиями, учил, как их преодолеть, и в будущем указывал на пушующую славу, которую они, несомненно, должны воспринять.

Ознакомившись с положением дела, наэлектризовав войска, сделав надлежащие распоряжения, Суворов составил военный совет, в котором заявил: «Я решился овладеть этой крепостью или погибнуть под ее стенами». Казак Платов на это возгласил: «Штурм», все остальные к нему присоединились. Перецеловав всех, Суворов сказал: «Сегодня молиться, завтра учиться, послезавтра победа либо славная смерть».

Перед штурмом Суворов послал следующую записку в Измаил: «Сераскиру, старшинам и всему обществу! Я с войсками сюда прибыл. Двадцать четыре часа на размышление – воля; первый мой выстрел – уже неволя; штурм – смерть. Что ставлю вам на размышление». Турки отвечали: «Скорее Дунай остановится в своем течении и небо упадет на землю, чем сдастся Измаил». Дунай не остановился в своем течении и небо не упало на землю, а Измаил был взят Суворовым.

Суворов писал Потемкину: «Нет крепче крепости, отчаяннее обороны, как Измаил, падший перед Высочайшим тронем Ея Императорского Величества кровопролитным штурмом. Нижайше поздравляю вашу светлость».

Измаильский штурм отличался нечеловеческим упорством и яростью турок, так как они знали, что пощады не будет. Это упорство безнадежного отчаяния могло быть сломлено только крайним напряжением энергии атаковавших... Храбрость русских войск под Измаилом дошла как бы до совершенного отрицания чувства самосохранения... Спустя некоторое время Суворов, проезжая мимо одной из финляндских крепостей, спросил своего спутника:

– Можно ли взять эту крепость штурмом?

– Какой крепости нельзя взять, если взят Измаил...

Суворов задумался и, после некоторого молчания, заметил:

– На такой штурм, как измаильский, можно пускаться один раз в жизни.

Турки пришли в ужас. Вся Европа была изумлена и поражена. Россия обожала своего героя-победителя... Что ждало героя?...

Суворов лично отправился к главнокомандующему Потемкину с докладом. Оба горели нетерпением броситься в объятия и облобызаться. Суворов властел к Потемкину, и они обнялись...

– Чем я могу наградить ваши заслуги, граф Александр Васильевич?

– Ничем, князь. Я не купец и не торговаться сюда приехал. Кроме Бога и государыни, никто меня наградить не может.

Потемкин побледнел. Оба молча прошлись несколько раз по комнате, раскалялись и разошлись...

Турецкая война блестяще кончилась. Потемкин был осыпан почестями, милостями и наградами. Герой Суворов был в тени. О нем забыли... Поделом, — не обижай фаворита... О жизнь, это ты!..

Мир. *Беспокойный* Суворов опять в Финляндии... Кончил в Финляндии, его послали на юг. Всюду Суворов вел дело добросовестно, исполнительно и абсолютно честно. Ни в мире, ни на войне Суворов не знал и не ведал, что такое взятка... Когда после Измаила из военной добычи Суворову привели прекрасного коня, он и от того отказался. Недаром солдаты говорили, что Суворов во всем с ними в доле, кроме добычи. Покончив служебные дела, Суворов часто жил в деревне. Бездеятельность его томила. Суворов опять скучал, томился, капризничал, писал знакомым жалобы на свою долю, просился у императрицы в иноземные войска. Он боялся, что его обойдут...

В это время началась третья польская война. Суворов не был туда назначен. Это его обидело. Война шла вяло, медленно, малоуспешно. Суворов издевался над ведением войны и высказал, что он бы окончил войну в 40 дней. Его поймали на слове, и Суворов опять в деле.

Во главе польского восстания стоял знаменитый Костюшко. Это был человек ума недюжинного и прекрасный военный организатор. Хотя он был вполне убежден в тщете восстания, тем не менее взял возложенную на него ответственность и решил отдать делу родины все, даже свою жизнь. Были и другие между поляками талантливые люди. Но Суворов знал, с кем имел дело. Война предвиделась партизанская. Натиск и

быстрота здесь были более, чем где-либо, уместны: Суворову нечего было учиться этому.

В Польшу вступил Суворов с отрядом в 4500 человек, да на пути прихватил несколько мелких отрядов. И вот с этими силами Суворов наскочил на корпус Сераковского. После боя при Крупчицах и Бресте корпуса Сераковского не стало. Суворов его уничтожил. Через несколько дней от начала похода Суворов извещал главнокомандующего Румянцева: «Брестский корпус, уменьшенный при монастыре Крупчице 3000-ми, сего числа кончен при Бресте. Поляки дрались храбро, наши войска платили им отчаянностью, не давая пощады».

Овладев Брестом, Суворов остановился поджидать прибытия войск. Он не любил безделья и потому на досуге занялся обучением войск. В основу его обучения лег его знаменитый катехизис. Война в Польше отличалась своеобразностью. В числе русских войск было много поляков, которые передавали своим о намерениях и планах действий русских войск, почему часто приходилось действовать без приказов, моментально. Благо, командиром был Суворов. Среди ночи он вскакивал с постели, вылетал на двор, окутывался холодной водой, а затем хлопал в ладоши и кричал петухом. Это значит — вставай, и солдаты моментально вставали и готовились к походу. Такой прием избавлял Суворова от приказов, о которых немедленно узнавали поляки. Суворов знал солдат, и солдаты знали его. Это была единая душа, единое тело.

Предстояло взять Прагу. Без Праги не могла существовать Варшава. С Варшавой падала Польша. Прага не была Измаил, но это была действительно сильная

крепость, устроенная по всем правилам современного искусства и защищаемая людьми, готовыми положить свою жизнь за отечество.

Подобно тому как под Измаилом, Суворов не скрывал от войска всех трудностей штурма. Напротив, он знакомил солдат с ними, готовя их к тому и укреплял в непоколебимой мысли, что Прага уже обречена на взятие. Остается подняться, пойти и взять. Это говорил Суворов. А раз говорит Суворов, — кончено. С взятием Праги считались еще до штурма, как с фактом прошлым и законченным... Ведь это говорил их отец... Случилось следующее: наступили холода. Не было теплой одежды. Солдаты мерзли и страдали. Суворов все это время ходил в холщовом кителе и надел суконную куртку последним, когда все солдаты были уже тепло одеты. Это солдаты видели и понимали.

Между тем Костюшко был взят русскими в плен, и теперь надлежало кончать с Прагой и Польшей. Штурм был назначен в ночь с 23 на 24 октября, а в 9 ч. утра Прага уже была взята. Кровавое пролитие было страшное. Поляки защищали свою отчизну и жизнь, русские мстили за своих соотечественников, злодейски вырезанных в Варшаве поляками. В числе штурмовавших русских были свидетели, как в Варшаве поляки, по почину Кишинского, резали причащавшихся безоружных солдат, женщин и маленьких детей... Трудно было ждать ввиду Варшавы пощады от русских, бывших свидетелями этих бесчеловеческих злодейств. Было бы то же и с Варшавой, и очень скоро... Суворов сам не ожидал последствий победы. Он быстро сообразил и то, что станет с Варшавой, если войска немедленно кинутся туда по мосту за бегущими поляками... Суво-

ров приказал зажечь мост в Варшаву, и Варшава была спасена от огня, меча и разграбления...

«Сиятельнейший граф, ура, Прага наша! Дело сие подобно Измаильскому», — пишет в своей реляции Суворов Румянцеву. На другой день из Варшавы прибыла к Суворову депутация просить пощады, и Суворов дал пощаду на условиях гораздо слабейших тому, чем поляки могли ожидать.

29 октября состоялось торжественное шествие Суворова и его войск в Варшаву. На конце моста магистрат города Варшавы поднес Суворову городские ключи. На улицах Варшавы стояли толпы народа, встречавшие победителя далеко не враждебно. Со взятием Варшавы польская кампания была кончена. Суворов исполнил свое слово: выполнил кампанию в 45 дней. Теперь оставалось дело умиротворения края, что Суворов также блестяще исполнил.

По прибытии от Суворова в Петербург посла с ключами города Варшавы и варшавским хлебом-солью отслужен был благодарственный молебен. Суворочка удостоилась от императрицы самого благосклонного внимания и собственноручного угощения варшавским хлебом-солью. На парадном обеде стоя пили за здоровье фельдмаршала Суворова, при 201-пушечном салюте, причем императрица Екатерина говорила о нем в самых любезных и милостивых выражениях. Государыня написала Суворову два собственноручных рескрипта, из которых в одном говорилось, что Суворов своими победами сам себя возвел в фельдмаршалы, нарушив старшинство, от которого государыня отступать не любила. Суворов получил дорогой фельдмар-

шальский жезл, богатый брильянтовый бант к шляпе и именье в 7000 душ.

Рад был фельдмаршалству Суворов и на радостях не обошелся без причуд. Когда привезли фельдмаршальский жезл, то, по приказанию Суворова, его отнесли в церковь для освящения. Сам Суворов отправился туда в куртке без знаков отличия. Затем приказал принести несколько стульев, расставивши их на расстоянии в позицию, и стал через них перескакивать, приговаривая после каждого прыжка: «Репнина обошел, Салтыкова обошел, Прозоровского обошел» и т. д., поименовывая всех генерал-аншефов, которые были старше его.

Получил награды Суворов и от иностранных государств: от прусского — ордена как знак «ненарушимого уважения и особенного почтения, хотя Суворов не нуждается в этих орденах для возвышения своей славы и, конечно, их не ищет...» Австрийский император прислал свой портрет, брильянтами осыпанный, с крайне любезным рескриптом, в котором называет его учителем своей армии.

Не остались без наград и сподвижники Суворова, причем в этом отношении он был очень щедр. Так, об одном инженер-поручике государыня говорила: «...граф двух империй расхваливает одного инженерного поручика, который, по его словам, составлял планы атаки Измаила и Праги, а он, фельдмаршал, только выполнял их, вот и все».

Наконец, Суворов получил лестный дар от того, от кого уж никак не мог этого ожидать. 24 ноября 1794 года, в Екатеринин день, магистрат города Варшавы поднес ему золотую эмальированную табакерку с

лаврами из брильянтов. На середине крышки был изображен герб города Варшавы – плывущая сирена, над нею надпись «Warszawa zbawcu swemu» (Варшава своему спасителю), а внизу другая надпись – «4 ноября 1794 г.», день штурма Праги по новому стилю.

Покончив дела в Польше, Суворов двинулся в Петербург. Как всегда, он ехал просто, без блестящей свиты и на первых порах попал в анекдот. Раз он остановился на ночлег в хате, в которой раньше его приезда на печи заснула глухая старуха, о которой во все забыли. Перед сном, по обыкновению, Суворов окатился холодной водой и, для того, чтобы согреться и размяться, стал прыгать голый по комнате, распевая арабские изречения из корана. На беду, в этот момент проснулась старуха, высунулась из запечья, увидала прыгающего голого черта и благим матом закричала: «Ратуйте, с нами небесные силы...» Перепугался ничего не ожидавший и фельдмаршал и, в свою очередь приняв бабу за черта, тоже заорал. Сбежались люди и развели напуганных стариков...

На пути Суворову устраивались торжественные встречи, которые, однако, Суворов всячески старался отклонять.

При въезде в Петербург Суворову выслана была придворная карета. Суворов в фельдмаршальском мундире пересел в карету и, несмотря на сильный январский мороз, ехал в ней без верхнего платья и шляпы. Государыня встретила фельдмаршала весьма мило и, в угоду ему, приказала повесить во дворе все зеркала, так как Суворов не выносил зеркал. Местом для жительства ему назначен был Таврический дворец.

Не забыл Суворов сделать визит и фавориту Екатерины Платону Zubову. Но при этом вышел курьез. Когда Суворов был у Zubова, то последний встретил его в обыкновенном повседневном платье. Это обидело старика фельдмаршала. Поэтому когда Zubов явился к нему с обратным визитом, то Суворов принял его в дверях своей спальни в нижнем белье, а затем свой поступок объяснил Державину словами – *vice versa*.

По обыкновению, живя в Петербурге, Суворов чудил, и в перспективе ему усматривалась Финляндия. У государыни Суворов бывал не часто. Узнав, что, едучи к ней, Суворов был в одном сюртуке, государыня подарила ему соболью, зеленым бархатом крытую, шубу. Тогда Суворов, едучи во дворец, брал ее с собою, но держал на коленях, а не надевал. Беспощаден он был в своих остротах с Салтыковыми, которые на него злились за то, что он обогнал их по службе. Доставалось от него и другим.

Принимая визиты именитых чиновников, Суворов иногда выходил на подъезд, влезал в карету, несколько минут беседовал с гостем и с Богом отпуская. Раз явился гость во время обеда, Суворов приказал принести стул и поставить около себя. Посадив на нем гостя, он сказал: «Вам еще рано кушать, прошу посидеть». Побеседовав несколько минут, он отпустил гостя, не поднявшись со стула.

На приеме во дворце раз государыня спросила Суворова: «Чем потчевать дорогого гостя?» – «Благослови, царица, водочкой». – «А что скажут красавицы фрейлины, которые будут с вами разговаривать?» – «Они скажут, что с ними говорит солдат». Екатерина собственноручно подала ему рюмку водки.

Раз наследник, Павел Петрович, пожелал видеть Суворова. Суворов вошел и начал школьничать. Наследник этого терпеть не мог и потому заметил ему: «Мы и без этого понимаем друг друга». Суворов притих, но, удаляясь после разговора, побежал вприпрыжку по комнате, напевая: «Prince adorable, despote implacable». Разумеется, об этом передано было Павлу. Суворов скучал, злился, издевался, бранился и надоед всем. Пора было в Финляндию, и его послали в Финляндию. Пошла прежняя история с крепостями, Крымом, югом России и проч. Появились слухи о войне с Францией. Суворов стал волноваться – назначат ли его туда... В это время скончалась императрица Екатерина и на престол взойшел Павел...

Император Павел знал Суворова. Однако времена изменились, – изменились и условия бытия. В первое время император отнесся к Суворову довольно мило-стиво. Суворов тоже держал себя осторожно, но затем стал прорываться. Императору донесли, и падение Суворова было предопределено. Да иначе и быть не могло. Сошлись две несовместимые величины. Один неограниченный монарх, человек крайне нервный, неустойчивый, даже необыкновенно изменчивый, до болезненности самолюбивый, недоверчивый, подозрительный, вспыльчивый и нередко безжалостный. Другой – старик, создавший своею жизнью и подвигами всемирную известность, стяжавший славу и величие себе и своей родине, вполне это сознававший и необыкновенно гордый и самолюбивый, неограниченно властолюбивый, также нервный, раздражительный, вспыльчивый, обидчивый и неуступчивый. Один имел свою систему ведения дела и считал ее незыблемо

верной и полезной, другой тоже имел свою систему, которою он на деле стяжал лавры себе и родине. Один имел все права на власть по рождению и закону, другой — по праву многолетней и плодотворной деятельности. Один имел все права на почтение по своему положению, другой по заслугам... Могли ли они сжиться и стоять рядом!.. Один должен был исчезнуть, — и он исчез.

Суворов не выдержал своего положения. Он стал делать едкие замечания по поводу войска Павла, отпускать мелкие остроты на счет его приближенных, да и вел себя при императоре неподобающе, беспокойно. Павел сердился и делал Суворову замечания по пустякам. Суворов увидел, что дело может окончиться плохо, и подал прошение об отставке. Но враги предупредили его, — успели настроить Павла, и Суворов был уволен без прошения. Мало того, Суворов был сослан в маленькое имение и отдан под надзор...

Теперь Суворов сошел на положение частного человека, простого гражданина. Остановимся на жизни Суворова.

Она была почти одинакова в военное и мирное время.

Вставал Суворов в 2–3 часа. Летом и зимою он выходил на крыльцо и окатывался холодной водой. Засим он проделывал гимнастику и прыжки для согревания и разминания. После этого он будил крестьян в деревне и солдат в лагере, а засим непрерывно занимался делом. Это был человек небольшого роста, сухоощавый, с продолговатым лицом, голубыми глазами, ласково и выразительно смотрящими, с горбатым, довольно крупным носом. Все движения этого человека были необычно-

венно живы, крайне подвижны и довольно резки, почти всегда он ходил так быстро, что его походка имела вид бега, иногда он ходил вприпрыжку. На войне он ел что Бог послал и часто ту же пищу, что и солдаты. Дома же он нередко давал обеды, которые не отличались ни изысканностью кушаньев, ни особенною тонкостью вин. Обедал он в 8–9 часов. Суворов не любил ни много есть, ни много пить. Он любил собирать гостей, особенно по праздникам, любил игры, танцы и пение, причем и сам участвовал во всех этих забавах. Мужчины и дамы, именитые и простые гости были одинаково любезно приняты, держали себя просто и без принуждения, а потому у него всегда было весело и шумно. Он одинаково был мил и любезен с гостями и когда был молодым генералом, и когда стал генералиссимусом, только в последнее время он стал еще ласковее и отечески добрее: выходя обедать, он всех гостей целовал, а уходя, крестил и благословял. Благословял он часто и вне дома, и даже в публичных собраниях, и никто не видел ничего странного в этом благословении высокопоставленного патриарха, отечески доброго, детски наивного и не щадившего своей энергии за благо человечества. Чем старше и знаменитее он становился, тем почетнее его были гости, но это нисколько не препятствовало и не лишало одинаково милого и радушного приема и людей простых.

Суворов был одет весьма просто и незатейливо: летом в солдатской рубаше, а зимою в суконной, из солдатского сукна куртке. Сверху только в морозы набрасывал очень легонький, довольно ветхий плащ.

Суворов любил чай и нюхал табак. В карты почти не играл и держал карты преимущественно для гостей.

Иногда он ходил на охоту за птицей, но особенно этому удовольствию не предавался. Зимой любил кататься на коньках, устраивал у себя ледяную гору и на масляной забавлялся на ней вместе с гостями. Любя птиц, он на зиму устраивал «птичью комнату». Это была большая комната, в которой в кадках стояли елки, сосенки, березки и проч. Получалось подобие рожицы. Сюда напускались синички, снегири, щеглята на всю зиму, весной же, преимущественно на Святой, их опять выпускали на волю. Суворов очень любил эту комнату, часто в ней бывал и даже нередко в ней обедал. Иногда летом обедал на берегу реки.

Суворов был очень религиозен и набожен. Часто ходил в церковь, лично читал и пел на клиросе и старался поддерживать религиозность в солдатах. В деревне путь в церковь вел через реку. В весеннее половодье, говорили, он переправлялся через реку в винокуренном чане, приспособленном в виде паромы.

Суворов был женат, но с женою решительно не сошелся характером. Собственно говоря, Суворов даже не был способен к семейной жизни. Вся его душа, вся его жизнь, все помыслы и стремления были в армии, а семья для него была нечто побочное и добавочное. Жена для него не была друг, человек родной, близкий, необходимый, неразлучный, кому бы он отдавал себя весь, находил удовлетворение, поддержку и отраду. Все это уже было занято армией, а жена для него была только женщина. В дальнейшем в более грубой форме это отношение Суворова выразилось в следующей фразе: «Меня родил отец, и я должен родить, чтобы отблагодарить отца за рождение». Семейному разладу супругов много способствовали особенности характера

супругов. Суворов был нрава нетерпеливого, горячего до вспышек бешенства, неуступчив, деспотичен и нетерпим. Самая сильная работа над собою повела только к тому, что он стал только сдержаннее. Нужно было быть ангелом, чтобы можно было вынести такого человека, а жена его вовсе не была таким ангелом. Прежде окончательного разрыва супруги много раз ссорились и мирились. Один раз было даже слишком торжественное примирение, вроде публичного покаяния. Суворов явился в церковь в солдатском мундире, жена в простеньком платице. Муж и жена обливались слезами. Священник прочитал разрешительную молитву. Супруги помирились и сошлись. А все-таки дело кончилось разводом.

Такова была жизнь Суворова в обычное время.

Гораздо тяжелее и мрачнее она стала, когда Суворов подвергся опале.

Опала великого человека никогда не оканчивается только его удалением. При этом являются на сцену враги и делают все низкое, все гадкое, все подлое, что только может таиться в сокровищнице существа, известного под именем *homo sapiens*. Естественно, что все враги этих людей являются на сцену и мстят, мстят безжалостно, бесчестно и жестоко своему прежнему конкуренту. Выворачивается все прошлое, извращается, дополняется ложью, превращается в преступление, выдумываются новые лживые обстоятельства и все это льется, льется с наслаждением, с захлебыванием на голову опального. Благо, он молчит и не может поднять голоса. Люди индифферентные видят все это, присутствуют при этой оргии лжи, клеветы и опозоривания, — видят и молчат. Точнее, делают вид, что ничего не ви-

дят и не слышат... Подальше от греха... Не ровен час и сам влетишь в беду... Более малодушные присоединяются к клике и изрыгают ложь и хулу в унисон с клеветниками... Друзья и товарищи притихают, смиряются, прячутся, а то и до них доберутся... Не до защиты друга... Себе бы остаться живу... Да мимо идет чаша сия... Креатуры поваленного величия зачастую пристают к врагам и лают, лают нахально и еще громче, чем враги... Добрые дела наказуются... Такова практика жизни... Кто не видел такой картины в жизни высоких сфер?! Стоит солнцу отвернуться от кого-либо, как все до одного из приближенных от него отвертываются, не видят, не замечают и лягают... Но вот солнце опять бросило свой луч милости, внимания и ласки, — и все вновь забегают, ластятся и льстят... О человек, человек, как еще много в тебе подлого!..

Великий Суворов без вины впал в немилость монарха. Сколько жалоб посыпалось на него и каких, каких только скверных и гадких!.. И терпел Суворов. Терпел и выносил все. Терпел от врагов, терпел и от своих креатур, которые воспользовались тем, что лев был связан, и лягали его бесстыдно и подло...

Государь был болезненно, причудливо изменчив. Вдруг пришла ему в голову мысль — вызвать и приручить Суворова... Разумеется, такой поступок могла вызвать только причуда. Кто знал Павла и Суворова, тот вперед мог сказать, что от этого ничего доброго не выйдет. Так и случилось. Суворов появился и вновь исчез в свое заточение.

В это время в Европе происходила отчаянная борьба между французской республикой и всей остальной Европой. Эта строптивая женщина — республика бро-

сила вызов всему свету. От нее страдали Англия, Австрия и Италия. Им очень хотелось втянуть в войну с Францией Павла. Путем различных подходов, доводов и уловок коалиции европейских государств удалось достигнуть этого. И вот наступил момент, когда нужно было послать русскую армию в Италию. Но Англия была слишком практична. Она знала, что у России есть прекрасная непоколебимая армия, но она знала, что у России есть и великий вождь, фельдмаршал Суворов.

Поэтому и Англия и Австрия просили императора Павла послать войска под командою «знаменитого мужеством и подвигами Суворова».

Между тем положение Суворова было в высокой степени тягостным. Заживо погребенный, он решил покончить свою жизнь в подвиге и удалиться в монастырь. С этой целью в 1798 г. он написал государю следующую просьбу: «Ваше Императорское Величество, всеподданнейше прошу позволить мне отбыть в Нилову Новгородскую пустынь, где я намерен окончить мои краткие дни в службе Богу. Спаситель наш один безгрешен. Неумышленности моей прости, милосердный Государь. Всеподданнейший богомолец, Божий раб».

Жизненная звезда Суворова, однако, только затмилась, а не зашла. Судьба предназначала ему новые подвиги, новые доблести, новую славу. Но для него все это было сокрыто...

Суворов ждал ответа, томился и мучился. Но ответа не было.

Вдруг в феврале 1799 г. через флигель-адъютанта Суворов получил следующий высочайший рескрипт:

«Сейчас получил я, граф Александр Васильевич, известие о настоятельном желании Венского Двора, чтобы вы предводительствовали армиями его в Италии, куда и мой корпус Розенберга и Германа идут. Итак посему и при теперешних Европейских обстоятельствах, долгом почитаю не от своего только лица, но и от лица других предложить вам взять дело и команду на себя и прибыть сюда для отъезда в Вену».

Суворов был удивлен, поражен и восхищен. На другой день он уже летел на крыльях ветра к государю. Император осыпал его почестями и оказывал ему всякие знаки внимания; не было границ милостям царским. Суворов вновь зачислен в армию с чином фельдмаршала, коего он лишен был при опале; а через несколько дней награжден большим крестом ордена Иоанна Иерусалимского.

Отпуская Суворова в Вену, Павел заявил: «Веди войну по-своему, как умеешь».

По пути в Вену Суворов остановился в Митаве. Явилось много почтенных лиц, желавших ему представиться. Открылась дверь из внутренних комнат, Суворов выглянул босой и в одной рубашке и заявил: «Суворов сейчас выйдет» — и скрылся. Спустя несколько минут явился фельдмаршал во всем своем блеске и обворожил всех своею любезностью. После приема Суворов пешком отправился по городу. Толпы народа шли по его пятам. Пришел на гауптвахту. Караулу принесли обед. Суворов сел вместе с солдатами, поел каши, а затем отправился с визитом к жившему здесь экс-королю французскому.

В Вене император, двор и народ приняли Суворова с чрезвычайными овациями и почетом. Почему-то Су-

воров всех их оживил, одухотворил и вселил надежду на победу. Суворов был назначен австрийским фельдмаршалом и главнокомандующим австрийскими войсками.

Отдавая свои войска в ведение Суворова, австрийский военный совет требовал, однако, от него плана войны. Этот план предварительно должен был пройти через рассмотрение, обсуждение, исправление и утверждение совета и затем только исполнен. Для человека говорящего: «в кабинете врут, а в поле бьют», — такое требование было нелепым. Ведение войны обуславливается обстоятельствами и должно быть абсолютно в руках главнокомандующего. Поэтому не удивительно, если Суворов вместо плана представил австрийскому военному министру белый лист бумаги. Тогда военный совет предложил Суворову свой собственный план, доведенный пока до Адды. Суворов взял перо, зачеркнул его и написал: «Кампанию я начну с Адды...» Видимо, Суворов не хотел даваться в руки военного совета, а последний не хотел его выпустить на волю. Уже теперь начиналась глухая борьба, которая, к сожалению, окончилась позорно для Австрии и больно для России. Австрийцы не желали, однако, ссориться с знаменитым фельдмаршалом и потому смирились. Наконец, Суворов отправился в Италию. Прощаясь с Суворовым, австрийский император все-таки вручил ему инструкции, коими он должен был точно руководиться при ведении войны. В силу этих инструкций Суворов обязывался исполнять веления Вены в своих военных действиях, а «дабы внимание ваше не было отвлечено от главных соображений военных никакими заботами о предметах побочных», хозяйственная часть возлагалась на ав-

стрийского генерала Меласа. Суворов взял эти инструкции, но впредь можно было сказать, что не исполнит.

Если в Австрии Суворов был встречен с великими почестями и всеобщим народным почетом, то что должно сказать о Вероне!.. Толпы народа встретили карету Суворова перед городом, водрузили на ней знамя и с криками «*Eviva nostro liberatore*» сопровождали в город; здесь толпа увеличилась, выпрягла лошадей и довезли карету на своих руках до квартиры.

Здесь его встретили духовенство, представители города, русские и австрийские генералы. Суворов принял благословение, мило ответил на привет и радушно познакомился с генералами, особенно задушевно встретился с боевыми товарищами, как Милорадович и Багратион.

Перед выступлением на поле военных действий Суворов произвел смотр австрийским войскам. По внешности он остался доволен: «Хороший шаг, будет победа!..» Но все-таки послал по полкам своих инструкторов-офицеров ознакомить австрийские войска с его приемами. Скоро Суворов дал им и урок дисциплины. Войска Суворова знали своего вождя и шли в поход быстрыми маршами. Австрийцы не привыкли к этому, утомлялись и обижались, а раз даже не выполнили приказания фельдмаршала. На это Суворов дал Меласу, объявившему себя больным, такой приказ: «Домоего сведения дошли жалобы на то, что пехота промочила ноги. Виною тому погода. Переход был сделан на службе могущественному монарху. За хорошей погодой гоняются женщины, щеголи да ленивцы. Большой говорун, который жалуется на службу, будет, как

эгоист, отрешен от должности. У кого здоровье плохо, тот пусть и остается позади. Ни в какой армии нельзя терпеть таких, которые умничают, глазомер, быстрота, натиск, — на сей раз довольно...»

Победой над французами при Ааде Суворов доказал, что он велик не только в войне с поляками и турками, но и победоносная французская армия не сможет устоять перед ним... Эта первая победа радостно была встречена как в России, так и в Австрии. На молебствии в Петербурге император Павел приказал провозгласить многолетие господину генерал-фельдмаршалу русских войск, победоносному Суворову-Рымникскому, причем последовал из крепости пушечный салют. Бывший при этом сын Суворова бросился на колени перед государем и со слезами целовал ему руку. Суворов получил брильянтовый портрет государя, сын его произведен был в генерал-адъютанты со старшинством и откомандирован к отцу. При всем своем искреннем желании достойно изобразить подвиги Суворова в Италии и Швейцарии, я не нахожу в себе достаточно умения и способностей. Да исполнят это способнейшие. Я ограничусь кратчайшим упоминанием о самых важных его делах... Требия, Нови и весь поход Итальянский Суворова — один из блестящих камней в русской короне и одна из лучших страниц истории России о подвигах ее сынов. Но если в Италии Суворов являлся величайшим победителем лучших войск в мире, то в Швейцарии он явился могущественным победителем природы. Великая честь великому гению... Да будет вечная слава ему и его войскам, их энергии и подвигам!..

Если до начала кампании Европа могла относиться к Суворову скептически, то после Адды его имя прочно установилось. После Адды Суворов занял Турин и Милан. Теперь вся Северная Италия была освобождена от французов. В Милан Суворов вошел в день Светлого Воскресения. Народным восторгам и овациям не было конца. По нашему обычаю, русские христосовались между собою. Восторженные итальянцы, по чувству благодарности – и экзальтации, не отставали от русских в этом обычае и также христосовались... Ну, итальянки не хотели в любезностях и восторгах быть ниже своих мужей... Храбрые русские герои первый раз в жизни могли представить подобие Магометова рая... При въезде в Милан Суворов не мог не сошкольничать: впереди армии он пустил статского советника Фукса в его расшитом золотом костюме, а сам ехал сзади духовенства. После он подсмеивался над Фуксом, говоря: «Егору Борисовичу спасибо! Хорошо раскладывался, – помилуй Бог, как хорошо!..»

В Милане Суворов так же мило принял депутации и со всеми был крайне ласков и любезен. К обеденному столу он пригласил русских, немецких и пленных французских генералов и был изысканно любезен с последними. Генерал Серюрье так возгордился этим приемом, что вздумал критически отнестись к военным приемам Суворова, на что последний скромно заметил:

«Что делать, мы, русские, без правил и без тактики, я еще из лучших...» Многих французских офицеров Суворов отпустил под честным словом не воевать, Серюрье возвратил саблю со словами «кто так владеет шпагой, как вы, тот не должен быть лишен ее»!..

Слава и успехи Суворова были причиною тому, что в его армию приехал великий князь Константин Павлович. Это прибытие имело и хорошие и нехорошие стороны. Во всяком случае, оно стесняло и затрудняло Суворова, хотя уже с первых шагов он поставил всех в должные отношения. Раз великий князь легкомысленно воспользовался своим положением, причем едва не вышло несчастья. Суворов откровенно указал ему на должное положение дела, а свиту его так пробрал, что те, вероятно, долго помнили Суворова.

Суворов сам всюду являлся образцом храбрости, безбоязненности и самоотвержения, таковыми же были и все в его армии, начиная с великого князя и кончая простым солдатом. Раз под Турином Суворов с 3-4 приближенными и десятью казаками слишком опередил армию. Всюду были французские аванпосты, и Суворов рисковал наверняка попасть на них. Донской атаман Денисов указал на эту опасность Горчакову, но Горчаков не осмелился доложить Суворову. Тогда Денисов загородил Суворову дорогу и заявил, что так ехать дальше нельзя. Напрасно Суворов доказывал ему крайнюю необходимость разведок, Денисов не пустил Суворова, а все разведки исполнил лично. Подобный случай был и под Турином. Намереваясь взять его штурмом, Суворов ночью вышел из окопов и направился к стенам города. Ночь была дивная, и Суворов залюбовался; а в это время его из города заметили и он стал мишенью стрельбы. Ядра ложились вокруг него, а он и не двигался. Тогда Денисов, не теряя времени на убеждения, схватил Суворова за поперек и побежал с ним в сторону. Озадаченный Суворов вцепился ему в волосы, кричал, бранился, но ничего не

мог сделать. Только в окопах Денисов выпустил Суворова. Но последний не унимался и все-таки пытался выйти и осмотреть, что нужно. Видя такое упрямство Суворова, Денисов взялся проводить его сам, но только окопами, а затем повел его в совершенно другом направлении. Уловка была обнаружена слишком поздно.

Турин был взят. Великий князь занял дворец, а Суворов поселился в маленьком домике. В замке засели французы и сильно обстреливали город, особенно тот пункт, где жил Суворов. В дворике его дома были раненые и убитые. А Суворов сидел в домике и прикинулся спящим. Тогда Денисов решился извлечь Суворова и отправился к нему. «Что Карпович?» – Денисов объяснил. «Оставь меня, – я спать хочу», – а затем отвернулся лицом к стене.

С освобождением Северной Италии Суворов получил самую искреннюю благодарность от императора Павла и сардинского короля и очень строгое и недовольное письмо от австрийского императора. Дело было вот в чем: император Павел решился принять участие в войне с целью возвратить королям отнятые у них французами престолы. Так его понимал и Суворов и потому действовал в рыцарском духе своего повелителя. Поэтому он полагал, что Сардинское королевство освобождено теперь для сардинского короля, о чем и известил последнего. Но не так думал австрийский император, о чем он и уведомил Суворова весьма ясно и определенно, высказав ему свое неудовольствие. В этой хижине жили люди, которые одно говорили, а другое делали...

С этого момента у Суворова начинаются великие недоразумения с Австрией. Слава побед падала почти исключительно на долю Суворова и его армии. Приказов австрийского совета Суворов не слушал, данной ему инструкции не исполнял, а сплошь и рядом действовал вопреки тому и другому. Можно ли было терпеть такого полководца?... Мало ли что, что он бьет французов, чего австрийцы до сих пор не делали?... Дело не в этом. Дело в том, что он одерживал победы не так, как это указывал военный совет... Чтобы дать почувствовать Суворову свою немилость, военный совет начал оставлять его войска без продовольствия, без одежды и палаток, лошадей без овса, сена,ковки и проч. Вот и воюй. Но и этого мало. Австрийские генералы начали оказывать явное неповиновение главнокомандующему.

Суворов довел обо всем этом до сведения Павла, и Павел понял, с кем имеет дело. Между тем славные подвиги Суворова только начинались. Первое великое дело было при Требии, где Аннибал за 218 лет до Р. Х. разбил римлян. Здесь Суворов имел дело с Макдональдом, генералом молодым, энергичным, к которому сам Суворов относился с уважением, причем армия Макдональда была многочисленнее, а позиции сильнее. Русские войска только подходили, были страшно утомлены и менее чем в половинном составе.

И тем не менее Суворов вел их в бой. Напрасно Багратион шептал Суворову на ухо, что роты не насчитывают и 40 человек, и просил обождать отсталых. Он получил в ответ: «... а у Макдональда нет и по 20; атакуй с Богом...» А вот подлетает Розенберг. Его войска

не могут далее драться. Надо перейти в полное отступление. Суворов лежал под деревом около скалы.

«Попробуй сдвинуть тот камень! Не можешь? Ну так в такой же мере и отступление не возможно. Извольте держаться крепко и ни шагу назад...» Вот опять Багратион. Убыль людей дошла до половины. Ружья плохо стреляют, люди измучены до невозможности... «Не хорошо, князь Петр... Лошадь...» Суворов направляется к отступавшим, смешивается с ними и, направляясь назад, кричит: «Заманивай, ребята, заманивай!.. Шибче, бегом...» Сделав таким образом шагов сотню, Суворов вдруг остановился и скомандовал: «Стой!» А затем атака и бросился в бой... Боже, где взялись силы, где взялась энергия... Ружья застреляли... Барабанный бой поддержал все... Солдаты как безумные бросились за своим кумиром и победа была одержана... «Макдональд более чем разбит», — писал Суворов. Моро струсил и отступил. Даже Мелас писал в Вену, что победой обязаны главным образом русским войскам и личной храбрости ее предводителя... За Требисей была взята Мантуя. На этот раз Суворов получил титул князя Италийского с оставлением графа Суворова-Рымникского.

Зато Австрия не только не поддерживала и не поощряла Суворова, а, напротив, делала все, чтобы поставить его в невозможные условия. Суворов просил об отозвании его из армии... Однако пока его просьбы шли в Петербург, в Италии он продолжал делать свое дело. Новые победы при Серравалле и Нови еще выше поставили Суворова. В награду за это императором Павлом отдан был приказ «отдавать Суворову все воинские почести, подобно отдаваемым особе Его Импера-

торского Величества». ... Вместе с тем Суворов получил фельдмаршала пьемонтских войск и гранда Королевства Сардинского с потомственным титулом принца и брата королевского. Император Павел по этому поводу писал Суворову: «... чрез сие вы и мне войдете в родство, быв единожды приняты в одну царскую фамилию; потому что владетельные особы все почитаются между собою роднёю...» В Англии Суворов сделался народным героем. Даже враги его отдавали должное. Моро дал такой отзыв о Суворове: «...что же можно сказать о генерале, который погибнет сам и уложит свою армию до последнего солдата, прежде чем отступит на один шаг».

Одни австрийцы не переваривали Суворова. С одной стороны, он достигал необыкновенной славы и величия, а с другой — мешал в Италии их видам и интересам. Его нужно было убрать из Италии и лучше всего в Швейцарию, где военные дела австрийцев шли не блестяще. Сказано — сделано. Суворов должен был переманивать в Швейцарию.

Легко было это сказать, но далеко не так легко было это исполнить. Суворову предстояло совершить подвиг, единственный в жизни, а может быть, и единственный в своем веке: зимою перейти в высочайших местах Альп, одновременно сражаясь с несравненно многочисленной французской армией, ранее занявшей лучшие позиции, покинутый союзниками, которые, кроме того, оставили русскую горсть храбрецов без провианта и без перевозочных средств, давно обещанных и как бы приготовленных, причем русская армия была страшно утомлена, голодна и оборвана... И Суворов двинулся, двинулся через такие высоты, как

Сен-Готард... Прибавим, что проводниками были австрийцы, которые вовсе не прочь были и предать русских... Суворову, конечно, и на мысль не приходили те ужасы, которые ему пришлось встретить на своем пути. Но что же делать... Пошел, нужно дойти. Суворов страдал за солдат, за царя, за родину... С изумительной твердостью, однако, Суворов перенес все физические и нравственные невзгоды... То под дождем проливным, то в метель и вьюгу семидесятилетний полководец ехал бодро на казачьей лошадке, в обыкновенной своей легкой одежде, сверху на нем был накинут ничем не подбитый плащ, т. н. «фодительский», сшитый семь лет назад; на голове не каска, а круглая, не по сезону легкая, шляпа. Суворов страшно тревожился за состояние армии. Были минуты, когда он даже отчаивался спасти свою армию. Но он надеялся на бодрость духа и выносливость своих боевых молодцов, «чудо-богатырей». «Не дам костей своих врагам; умру здесь и пусть на могиле моей будет надпись: Суворов жертва измены, но не трусости».

Бывали минуты, когда и солдаты Суворова приходили в отчаяние и начинали роптать. И в эти минуты Суворов не сердился на своих детей, а старался поднять их дух остроумия, добрым обращением, собственным примером и шутками.

Раз в отчаянии солдаты стали бранить Суворова так, что он их слышал. «Как они хвалят меня! Помилуй Бог; так точно хвалили они меня в Туречине и Польше...» Раз солдаты, выбившись из сил, пришли в уныние. Суворов въехал в ряды и во все горло затянул солдатскую песню «Что девушке сделалось? а что красной случилось?». Солдаты раскатились хохотом и опять все

ободрились. На ночлегах и привалах Суворов подходил к солдатскому кружку, вмешивался в разговоры и смешил разными поговорками.

Особенно тягостное положение армии Суворова было на первом перевале в Муттентале. В сухарных мешках людей не осталось ничего. Местность уже раньше была опустошена французами. Ничего нигде нельзя было достать. Мяса почти не было. Сапог не было. Одежда оборвана. Артиллерия осталась без лошадей. Люди были истощены до крайности. А впереди предстоял бой с армией Массены. Суворов составил военный совет. Он явился в полной фельдмаршальской форме. Вид его крайне возбужденный и торжественный. Собрались великий князь и все генералы. Суворов начал с изложения своего негодования против австрийков, указал на то, что русские удалены из Италии, чтобы не мешать им там хозяйничать, а также на вероломные поступки их против русских в Швейцарии. Далее он указал на положение русской армии, недостаток зарядов и патронов. Вперед идти невозможно, отступить стыдно. Помощи ждать не от кого. Положение армии хуже, чем на Пруте. Надежда на Бога и на самоотвержение войска, — только в этом и спасение. «Спасите честь России и ее государя, спасите его сына!» С этими словами Суворов в слезах бросился к ногам великого князя.

Таким Суворова никогда не видели. Все присутствующие бросились поднимать старика, но поднял его великий князь, в слезах обнимал его и целовал. Затем все единодушно предоставили ответить старшему — Дерфельдену. Последний указал на то, что все видят трудности и опасность положения, видят и всю

величину подвига впереди. Но Суворов знает, до какой степени ему преданы все и с каким самоотвержением он любим. Поэтому да знает он, что какие бы опасности и трудности ни предстояли, войска не посрамят имени русского и если не суждено им победить, то все лягут со славой. Все присутствующие подтвердили обет клятвой. Суворов был обрадован. Он благодарил всех и обещал победу, двойную победу и над врагом и над коварством.

Победа была, и победа необыкновенно блестящая. Армия Массены потерпела такое же поражение, как и армии Макдональда, Моро и Жубера.

Но теперь предстоял последний подвиг для русских войск – перевалить за Роштокский хребет и затем закончить всю кампанию. Суворов и его войска исполнили и этот подвиг вполне достойно своему имени. Кампания была кончена. Император Павел вполне понял своего союзника и решительно прекратил войну из-за его интересов. Войскам приказано было возвращаться домой. Цесаревич получил указание не ехать в Вену. Суворов решил отступить в глубь страны и дать своим войскам оправиться, отдохнуть и собраться с силами.

За свои военные подвиги Суворов назначен был генералиссимусом русской армии, причем повелено военной комиссии вести с Суворовым переписку не указами, а сообщениями. Наконец, и Франц Австрийский удостоил Суворова награды большого креста Марии Терезии. Вместе с этим было большое количество писем и выражений почтения, удивления и дружбы со всех концов света. Перед вступлением в Россию Суво-

ров остановился зимовать в Праге, где его чествовали вполне достойно и заслуженно.

Покончив с войною, Суворов потерял главный жизненный импульс. Его силы, энергия и дух не находили уже себе поощрения и возбуждения извне. Годы брали свое. Организм слабел. Организм болел. Явился сильный кашель. Теперь он не мог уже быстро подвигаться к Петербургу. На пути он остановился отдохнуть в своем имении Кобрин. Государь прислал ему милостивые рескрипты и своего лейб-медика, настойчиво приглашая в Петербург. Здесь ему готовилась торжественная встреча. В Зимнем дворце отведена квартира, в Гатчине должен был встретить флигель-адъютант с письмом от императора. Придворные кареты должны быть высланы до Нарвы; по обеим сторонам улицы будут стоять шпалерами войска и встречать генералиссимуса барабанным боем и криками «ура», по пути следования по Петербургу идет пушечная пальба и колокольный звон.

И вот когда Суворов был признан гением войны, ума, счастья и успеха, когда все отнеслись к нему с благоговением, почтением и безумным восторгом, — при этом вполне заслуженным, — Суворова постигает новое несчастье, совершенно его доконавшее и низведшее в могилу, — царская немилость... Это был гром среди ясного неба... Это был акт великой несправедливости, безмерной жестокости и скорее всего — болезни. На пути в Петербург Суворов получает весьма строгий запрос о дежурном генерале... И это делалось тогда, когда было ведомо, что генералиссимус при смерти... Но этим дело не кончилось. Все торжества встречи были отменены... И вот великий герой, славный победитель,

гений войны въезжает в столицу тайком, вечером, крадучись, и останавливается где-то в захолустье... Но и здесь не оставляют его в покое. От государя является генерал с запиской, в которой было сказано, что генералиссимусу не приказано являться к государю... Это окончательно убило Суворова. Силы его терялись. Наступил конец. Но и в предсмертном бреду Суворов был воин. Внимательное ухо могло услышать обрывки мыслей, которыми он жил, то были слова о славе и величии России. Военные грёзы и военный бред пробились у генералиссимуса. Часто он вспоминал Геную... Его душа была еще полна событиями последней войны... Бред мало-помалу стих, и великого гения не стало.

Скорбь, искренняя глубокая скорбь охватила всю Россию. Несметные толпы народа явились на проводы своего любимца. Искренним рыданием они проводили в могилу великого героя и гения... Император стоял в толпе на углу Невского и Садовой, когда следовало похоронное шествие... Процессия входила в ограду монастыря. Ворота ограды оказались очень узкими. Все заговорили, что катафалк не пройдет. Был здесь и старый сослуживец Суворова, унтер-офицер. «Не пройдет?! – воскликнул он. – Пройдет! Покойный всюду проходил...»

Суворов был русский гений и всеобщий русский любимец. Пройдут века, сменятся тысячи поколений, но пока жив будет на земле русский народ, имя Суворова ему будет мило и драгоценно.

Часть вторая

Мы, врачи, желая поставить диагноз, т. е. определение тому или другому, выделяющемуся в душевной или телесной жизни человека, состоянию, прежде всего перечисляем кратко его симптоматику, т. е. те проявления, на сочетании которых мы можем выделить и обособить данное состояние как особенное и характерное. Позволим себе применить этот способ к Суворову.

О наследственности Суворова мы почти ничего не знаем. От отца он унаследовал сдержанность к проживанию материальных средств. Ничего мы не знаем также и о семейных свойствах семьи Суворова. В детстве Суворов был ребенок хилый, слабый, малорослый, худощавый, и тем не менее он вполне доказал исключение из римского положения, что *mens sana* может быть только *in corpore sano*. В его слабом и хилом теле развился и укоренился необыкновенно сильный и стойкий дух, укрепляюще воздействовавший на самое тело. С раннего детства он увлекся войной и военными подвигами. Одиноким, сосредоточенным и замкнутым, он всей душой предавался чтению военных книг, описаний подвигов, геройств и событий. Эти книги были его друзьями и воспитателями. Обреченный отцом на гражданские подвиги, Суворов нисколько не смущается этим. Он продолжает жить войною и готовится к военной службе. Этому мешала слабость его организма. Ее нужно было устранить. Такому устранению способствуют гимнастические упражнения, ходьба, плавание и закаливание организма. Суворов занялся этим. Диво ли, что от книжки он вскакивал, бежал в поле, выхаживал

вал большие пространства, преодолевая утомление, переплывал реки, побеждал слабость и хилость организма, проводил часы под дождем и в непогоду, закаляя организм против невзгод и укрепляя его в противодействии всему болезнетворному. Силою духа он успел победить свои телесные немощи. Он победил себя, он победил свою природу. Над всем царило желание служить в военной службе и непреодолимое влечение к военным подвигам. Его дух, его мысль одержали верх над телом, и он достиг желанного.

Победив свое тело, Суворов принялся за самообуздание, за борьбу против духа в излюбленном и избранном им направлении. Он служил восемь лет солдатом. Суворов не считался только солдатом, а был солдатом, причем нес свою службу без уклонений, во всей полной ее обстановке, со всеми лишениями и тяготами. И в этом отношении он победил себя. Он подавил свои барские наклонности, пренебрег сословными преимуществами, отверг возможность облегчений и служил солдатом верой и правдой. Это была победа над духом, над традициями времени, над обычаями сословия, над правами положения. Такой характер, такая выдержка, такое самообладание резко выделяли Суворова из среды подобных и способствовали образованию и укреплению в нем идеи о превосходстве его личности над прочими. Эта борьба с собою развила в нем и самоуверенность и даже самомнение, не в узком смысле, а в благородном: самомнение о выполненном долге и превосходстве своей силы воли. Он сам себе был обязан в победе над собой и своим превосходством.

Суворов любил войну. Слава — идеал его жизни. Военные подвиги — его стремление. Войска — его средство. Суворов любил солдат. Суворов любил человека. Любя солдат, Суворов прежде всего видел в них своего брата, своего товарища по подвигу. В солдате он видит орудие и средство к успеху подвига и славе. Но для того, чтобы обладать всецело орудием, нужно в совершенстве владеть им. Для этого требуется умение господства над ним и сила внушения. А в этом обязателен личный пример, личные доблести и подвиги, достойные подражания, подчинения и повиновения.

Суворов-офицер прежде всего проявляет беззаветную храбрость, хладнокровное умение схватывать и обсуждать момент и полное самоотрицание.

Суворов-начальник — душа солдат. Он всегда с ними, он весь для них, он первый пример во всем. Ничего он от них не требует такого, чего бы не сделал сам. Сознавая необходимость переработки всего строя, быта и характера войск, Суворов начинает с упражнений, в которых он всегда сам впереди. Он ест с солдатами, носит платье солдат, ездит на солдатской лошадке, — с солдатами он ходит по полям в холод и непогоду, переплывает реки, проводит ночи в маршах, делает в темноту нападения...

Солдаты с своим командиром становятся неутомимыми, неустрашимыми, не боящимися ни жары, ни холода, ни суши, ни воды, ни голода, ни жажды. Суворов вселял в них идею, сам являлся образцом выполнения, и солдаты отдавались ему безраздельно и от всей души. Это не было веление формы. Это было господство духа сильного над слабым. Солдаты были орудием в руках Суворова не только за страх, но и за совесть, — из любви и преданности.

Суворов создает новую систему военной тактики. Не нам касаться военного дела. Но система Суворова является выражением его характера: глазомер, быстрота и натиск, — это дух Суворова.

Что значит глазомер? Под этим разумеется способность вмиг схватить положение неприятеля и моментально воспользоваться его положением в свою пользу. Для этого нужно иметь необыкновенную остроту органов чувств, преимущественно зрения, крайнюю быстроту сообразительности и сочетания, чрезвычайно ускоренный ход всех мыслительных процессов и такое же проявление всех этих фактов в действиях и поступках. Все эти проявления энергии, мощи и быстроты действия главным образом принадлежат немногим людям от рождения. Можно также путем упражнения и повторности развить все эти свойства, но в этом развитии и совершенствовании существует известный физиологический предел, для различных людей различный: кто от природы имеет более ускоренный процесс мышления, тот и путем упражнения достигает наивысшего совершенства, наоборот, лица от природы с медленным ходом процесса мыслительного акта и путем усовершенствования достигнут немногого. Суворов от природы обладал всеми преимуществами в этом отношении и равных ему было немного; но он понимал преимущество этих свойств, развивал их у своих солдат, достигал у них известной степени усовершенствования, превосходил в этом отношении солдат других армий, а потому и одерживал над ними победы.

Суворов с детства и до последних дней жизни много читал, и не только специальных военных книг, но любил читать классиков и текущую литературу. Он

пытался и сам писать, хотя творения эти не отличались особенным блеском. Кроме новейших языков, Суворов изучил языки турецкий, татарский, арабский и финский. Суворов никогда не принадлежал себе и не жил своею личной жизнью. Вставал он чуть свет, обливался холодной водой, проделывал гимнастику и сейчас же за дело. Ел не много и скверно, — не видел в этом удовольствия, — пил также мало. Одет был легко и в простой костюм, обстановка жизни была солдатская. Ни роскоши, ни удобств, ни чревоугодия Суворов не знал. Он ел и пил, чтобы существовать, одевался — чтобы не замерзнуть, жилье имел потому, что без этого нельзя было обойтись. Словом, его тело не было предметом забот и задачей жизни. Суворов жил идеей и для идеи. Всю свою жизнь отдавал военной службе и войскам. В этом он видел задачу жизни, цель жизни и счастье жизни. В военное время и в походах Суворов не знает усталости и утомления. Ни непогоды, ни невзгоды для него не существовали, он был всегда счастлив, доволен и прекрасен настроен.

Хуже бывало в мирное время. Не было дела, не было живого захватывающего интереса. Суворов томился, Суворов скучал, хандрил и капризничал. В эту пору он был невыносим для окружающих: острил, язвил, издевался и дурачил; почему его в Петербурге не терпели и под благовидным предлогом высылали.

При таком строе характера Суворов не мог быть хорошим семьянином. Его семья — армия, его жена — служба, его дети — солдаты, его интересы — успех боевой и слава отечества. Как человек, Суворов женился, но его жена была для него женщиной, почему, естественно, они скоро разошлись и она искала себе ут-

шения в других. Не до жены было Суворову и не до семьи. Он весь принадлежал делу и всецело был им поглощен. Любил Суворов сына, но особенно любил свою дочь, Суворочку. Однако и о детях Суворов заботился издали. Он дочери часто писал, любил получать от нее письма, горячо радовался всякой от нее весточке, но это была слишком отвлеченная любовь, и дети все время жили и воспитывались на чужих людях.

Суворов был честолюбив, самолюбив, себялюбив. Он давал большую цену военным отличиям, гонялся за ними и добывал их. Явление весьма естественное и представляющееся логическим выводом его бытия. Это человек — самородок. Он не был похож на остальных людей. Он сам создал свою физическую и духовную мощь, создал свою систему войны, создал армию, создал победы. Он ясно видел и признавал свои личные преимущества перед другими, почему и требовал награды по своим личным заслугам. Он необыкновенно выдавался из числа других, почему и награды для него должны быть не обычные, порядковые, а выдающиеся.

Нет гибельней и ужасней системы для дела, как выслуга по порядку и по старшинству. Эта система весьма выгодна для посредственности, которая выслуживается терпением. Но эта система не выгодна для людей с личными заслугами, достоинствами и преимуществами. От действия такой системы гибнет дело. Оно плесневеет, не движется вперед, впадает в рутину, формализм и внешнюю жизнь. Прогресс и совершенствование здесь невозможны. Поэтому, если в такой обстановке является человек, который оживляет рутинную обстановку, одухотворяет ее, совершает дела, отличные от других,

является новатором, то к этому человеку и мерка наград и поощрений должна быть иная. Суворов все переживал, сознавал и понимал, а потому и требовал себе отличий и наград. Эти отличия были естественною данью его гению, его самобытности, его нравственному сознанию. Собственно говоря, Суворов был не кичлив. Он не любил выдаваться внешностью, не любил фигурировать, не любил величаться. Если он требовал отличий, то потому, что чувствовал себя их достойным.

Насколько Суворов любил низших себя, заботился о них, был с ними прост, ласков, обходителен, настолько часто был невыносимым с равными и старшими. Сознывая свои заслуги и достоинства, он позволял себе по отношению к этим лицам весьма резкие выходки, издевательства, насмешки, остроты и шутки. Разумеется, все это делалось по отношению к тем, кто того заслуживал. В этом отношении Суворов был человек *беспокойный*. Человек беспокойный — это самый ужасный и нетерпимый в обществе человек. Он не умеет себя сдерживать, он не желает замаскировывать своих мыслей и убеждений, он имеет дурную привычку говорить правду. Глупому человеку он говорит, что тот глуп, взяточнику — что взяточник, мошеннику — что мошенник, лгуну — что лгун и т. д. И это говорится людям высокопоставленным и власть имущим. Беспокойный человек был ужасным во все времена и ныне. Можно быть глупым, вором, взяточником, изменником, — все это в обществе терпимо и не лишает уважения, — но быть правдивым и беспокойным человеком — это гибель. Суворов был именно человеком честным, чистым, не лукавым, а потому и нетерпимым. Никакие заслуги, никакие подвиги не могли спасти его от зави-

сти, лжи, ненависти и мести. Поэтому не удивительно, что чистый, честный, герой и гений, но беспокойный человек в обычном обществе был нетерпим и его, по миновании надобности, сбывали в провинцию. Так поступают с важными беспокойными людьми, менее важных заставляют выходить в отставку...

Суворов был религиозен, набожен, чист душою, честен, некорыстолюбив, прямодушен, вспыльчив, раздражителен, не сдержан, откровенен и необыкновенно быстр в решениях.

Принимая во внимание чрезвычайно острое восприятие органов чувств, необыкновенно быстрый психический процесс, огромное участие личных бессознательных проявлений в мышлении, необыкновенную энергию действий, самобытность и оригинальность в действиях и поступках, полное личное самоотвержение и самоотречение для идеи, полное подавление низших человеческих проявлений для высших идеалов, величие духа, господство над окружающим, мы можем с полным правом сказать, что Суворов был в духовном отношении неизмеримо выше всей остальной современной массы людей, он выделялся из нее и составлял тип передовой и высший человеческий тип, почему Суворов по всей справедливости может быть признан *гением* и, по специальности деятельности, *военным гением*. Суворов по своим гениальным способностям – брат Карла XII, но Суворов был неизмеримо чище, добрее и человечнее. Суворов не носил рядом с своими гениальными дарованиями душевного недуга, тогда как Карл XII не был его лишен.

Часть третья

Нам нужно остановиться еще на одном проявлении жизни и действии Суворова: его чудачествах, странных и диких поступках, оригинальности, дурачествах и проч. Суворов на заре кричит петухом, обливается на морозе холодной водой, ходит в одном сапоге, в одной башмаке, крестит беременных женщин на балах живот — благословляет всех, с кем встречается, является к высокопоставленным посетителям в одной рубашке, позволяет говорить дерзости Потемкину и Екатерине, дразнит на учении Павла... Всех странностей, басен и анекдотов не пересчитать... Давались различные толкования этим странностям: это умышленные дурачества, чтобы более выделиться и обратить на себя внимание, — это результаты его долголетней солдатской жизни, оставшиеся и в дальнейшем, — это дань духу времени, требующему лакейства и скоморошества перед сильными мира сего...

Нам кажется, что все чудачества Суворова были естественным следствием его характера, его душевного склада, организации его центральной нервной системы.

Наша душевная организация состоит из трех отделов: области познавательной, мыслительной и двигательной. Познавательная область состоит из восприятия органов чувств: раздражений, впечатлений, восприятий и ощущений; мыслительная деятельность состоит из высших проявлений душевной жизни: представлений, понятий, проявлений запоминания и припоминания, сочетания этих всех проявлений или суждений и выводов из всего этого процесса или умозаключений. Действия и поступки наши являются при-

ведением в исполнение всех выводов логического мышления или процессов мышления. Но это только одна сторона душевного воздействия, выражающегося действиями и поступками человека. Существует еще и второй фактор, играющий не менее важную роль в производстве и окончательной формулировке наших волевых или произвольных поступков, — это именно наше самочувствие, наши желания, побуждения и страсти. Воля не есть способность самостоятельная. Это есть равнодействующая двух сил: мышления и страсти — чувства приятного или неприятного. В одних случаях наши волевые или произвольные поступки являются результатом одержания победы нашего мышления над чувствами, в других случаях — наоборот. В первом случае будет перевес мышления, во втором — чувства. Таким образом, в одном случае воля будет являться продуктом мышления, в другом — чувствования.

У различных людей борьба этих двух душевных агентов, продуцирующих волевые поступки, далеко не одинакова; у одних преобладает мышление, у других — страсть, чувство, побуждения и инстинкты. Одни люди хладнокровные, флегматичные, другие — инстинктивные, быстрые, порывистые, сангвиничные. В преобладании того или другого проявления душевных способностей играет важную роль прежде всего наследственность. Одни люди рождаются уже флегматиками, другие — сангвиниками. Но не менее важную роль в этом отношении играют и воспитание и самообуздание. Люди, родившиеся с теми или другими способностями, путем воспитания, путем упражнения, путем личной сознательной дрессировки с течением времени могут становиться то более энергичными и подвижны-

ми, то более сдержанными, спокойными и ровными. Таким образом, в создании волевых поступков оказывают важное влияние приращенность душевных свойств и дальнейшая их культивировка, воспитание и выдержка.

Полнота и совершенство душевной жизни обуславливаются большим или меньшим количеством познаний, большим или меньшим участием области бессознательной жизни и большею или меньшею быстротою жизни душевных процессов.

В последнем случае мы видим в роде человеческом необыкновенное разнообразие в проявлении быстроты душевных процессов: одни необыкновенно вялы и медлительны, другие проявляют среднюю степень быстроты и третьи необыкновенно быстры в восприятии, сообразительности и порывисты в поступках. Эти душевные качества являются также преимущественно приращенными, но могут сильно видоизменяться под влиянием воспитания и постепенных упражнений.

Суворов от природы имел необыкновенно быстрые способности и отличался чрезвычайно подвижностью, находчивостью и сообразительностью, а затем в течение детства и всей своей жизни он упражнялся в развитии и совершенствовании этих способностей. Глазмер, быстрота и натиск – вот девиз его личный и завет для всех его подчиненных. При крайней быстроте мысли и необыкновенно скором воздействии желаний действия и поступки Суворова были необыкновенно быстры, порывисты и почти рефлекторны. Он не терял времени на обдумывание, на размышление, а являлась в голову мысль или желание и он их моментально выполнял. А так как область мышления и присоединение

бессознательных ассоциаций происходили у Суворова чрезвычайно быстро, то и все действия его были соответственно быстры. Правда, в делах серьезных, требующих изучения, он отдавал этому процессу должное; но в делах менее серьезных, малозначащих он действовал по первому движению, по первому порыву мысли и желания. Через это его действия в большинстве были импульсивными и рефлекторными. А так как эти действия вместе с тем почти всегда были правильными и выдающимися, то у Суворова стало привычкой действовать по первому побуждению, по первому порыву мысли, по первому проявлению чувства, — без продолжительного обдумывания и размышления. И чем Суворов становился старше, опытнее, почтеннее и заслуженнее, тем он делался самоувереннее, самонадеяннее и небрежнее к тому, что он говорил и делал. В огромном большинстве случаев его чудачества являлись действиями невольными, рефлекторными, по первому побуждению мысли, вспышки гнева, порыва веселости и дурачества. Быть может, не раз он сам раскаивался в этом и желал бы вернуть сказанное, да было поздно. Таковы его ответы Потемкину под Очаковым и после Измаила, где он заведомо повредил себе... В других же случаях он настолько считал себя заслуживающим уважения и почтения, что решительно не обращал внимания на то, что скажут о нем другие за его выходку.

Таким образом, все причуды Суворова находят себе объяснение в слишком большой подвижности душевной жизни, его крайней порывистости, привычке действовать сразу, слишком большой самоуверенности и невнимании к тому, что скажут о нем другие. Стран-

ность поступков Суворова объясняется особенностью его натуры, не входящей в обычные рамки жизни, и никоим образом не является чем-либо умышленным и заранее обдуманным. Он действовал, как жил, и особенность его натуры выражалась особенными, выделяющимися из ряда обыкновенных, поступками.

Содержание

Часть первая.....	3
Часть вторая.....	53
Часть третья.....	61

Павел Иванович Ковалевский

Генералиссимус Суворов

Ответственный редактор *А. Иванова*
Верстальщик *Н. Сычева*

Издательство «Директ-Медиа»
117342, Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1
Тел./факс + 7 (495) 334-72-11
E-mail: manager@directmedia.ru
www.biblioclub.ru
www.directmedia.ru